

«ВСТРЕЧНЫЙ» —
наш фонофильм

ГОЛОСА:

Крупская. Шаляпин. Сент-Экзюпери

ПЕСЕННЫЕ ПРЕМЬЕРЫ

СКУЛЬПТОРЫ ЕЩЕ НЕ СОЗДАЛИ ПАМЯТНИК СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЕ.

И в самом деле это, наверно, нелегко — создать памятник Женщине. Она и мать, и друг, и сестра, и труженик, и боец, и разведчик будущего; она уже слетала в космос.

Как воплотить все это в одном образе?..

Я была на встрече делегатов Первого Всероссийского съезда работниц с молодыми москвичками. Мы как бы перенеслись на несколько десятилетий назад и увидели женщин в кумачовых косынках и старых ушанках, в полушубках, в шинелях, в кожаных, в ватниках. Увидели Ленина. Он вошел в Колонный зал, бросил пальто на спинку стула, потер большой лоб, прищурил глаза, улыбнулся. И заговорил. Он говорил о том, что успех революции зависит от того, насколько в ней участвуют женщины. Звал к действию.

— Когда Владимир Ильич закончил свое слово, — рассказывала старая большевичка Александра Васильевна Артюхина, — мы поднялись в едином порыве и запели:

Мы наш, мы новый мир построим,

Кто был ничем, тот станет всем...

И помогли отцам, мужьям, братьям, сыновьям построить этот новый мир.

Честное слово, они вездесущи! Мы уже привыкли видеть в женских руках и микроскоп, и реторту, и ланцет, и молоток геолога, и киносъёмочный аппарат... Помните (а не помните, так знайте!), как в тридцатые годы наши отважные девчата в тапочках, в ситцевых косынках поплыли на пароходах к далекому берегу Амура — создавать новый город Комсомольск. Молодые хетагуровки (помните почин Валентины Хетагуровой!) оставили большие города и поехали в глухомань.

Так было везде. Во всех республиках.

Недавно вышла книжка стихов чукотской поэтессы Кымытваль. Кымытваль пишет стихи, она общественный деятель, лектор, учительница и, когда надо, доктор. С ее песнями молодежный ансамбль Чукотки приезжал в Москву.

В составе ансамбля пела и танцевала Кымытваль. Это здорово!

Духовная сила и красота наших матерей запечатлена в делах Родины. И надо создать достойный памятник Советской Женщине! Я верю, он будет создан.

Елена КОНОНЕНКО

7 ноября 1932 года вышел на экраны фильм «Встречный». История строительства новой турбины, история встречного промфинплана стала темой выступления парторга Металлического завода П. Семячкина на XVI съезде ВКП(б). Она вдохновила режиссеров Ф. Эрмлера, С. Юткевича и композитора Д. Шостаковича на создание фильма... Мы познакомились с П. Семячкиным и турбостроителями. Может быть оттого, что фильм как бы проецировался на эту встречу, впечатления о ней тоже приняли форму киносценария

ВСТРЕЧНЫЙ

В Неву, распростертую у каменного парапета, уткнулись рельсы. Там, за рекой, точно вылепленный из неба и облаков, лазорево-белый венец бывшего Смольного монастыря. Его растреллевская голубизна падает на берег, на воду, давая ощущение начала моря.

По рельсам, выйдя из заводских ворот, движется к реке турбина, как корабль, готовый сойти со ступеней. Запах сосновых досок, одевших металл, и впрямь как из старой судовой верфи. Еще минута, и лихтер, стоящий на воде, подхватит стальную тушу и взвалит на загрузочный ремень.

Набережная, сходы у рельс запружены людьми. Каждый стоящий, глядя на турбину, выискивает невольное какой-нибудь узел — его, собственный.

Камера «вынимает» из толпы маленького пожилого человека. Засунув руки в карманы пиджака, он неотрывно смотрит на движущуюся турбину. Даже те, кто хорошо помнит фильм «Встречный», вряд ли скажут, что он, Павел Петрович Семячкин, прообраз красавца парторга Васи, которого играл Борис Тенин.

Листок из записной книжки одного из сценаристов «Встречного», Л. О. Арнштама: «Поразил нас маленький его рост. Впрочем, прощаясь, он сам сизал нам с горечью: «Какой из меня вожды! С таким ростом вождем не станешь. И голос у меня слабый». И дальше: «...Самое основное — хороший массовик. Никогда ни перед чем не останавливается... Каждый день подлинное изобретательство в методах...»

Крупно: Семячкин смотрит на транспарант: «Есть 800 000!» И из наплыва — старая, потертая на сгибах газета тридцатипятилетней давности: «Есть 800 000!» Это мощность всех турбин, сделанных заводом в тот год первой пятилетки.

На первом странице сегодняшней «Правды» с тем же заголовком. Металлический завод выпустил мощную «восьмисотку» — это одна турбина!

Из затемнения, точно возникшая в памяти Семячкина, эпизод испытания невиданной тогда пятидесятипятитысячной турбины.

С обмотанными ветошью руками стоит у машины мастер по сборке Сергей Николаевич Тимофеев. Пар ошпарил ему руки, но мастеру и в голову не пришло уйти... Оживает машина — первые сто оборотов, двести, триста...

Сегодняшнему зрителю это, может быть, покажется схожим с операцией на сердце, когда, воскресая, оно наполняется кровью, ритмом, все

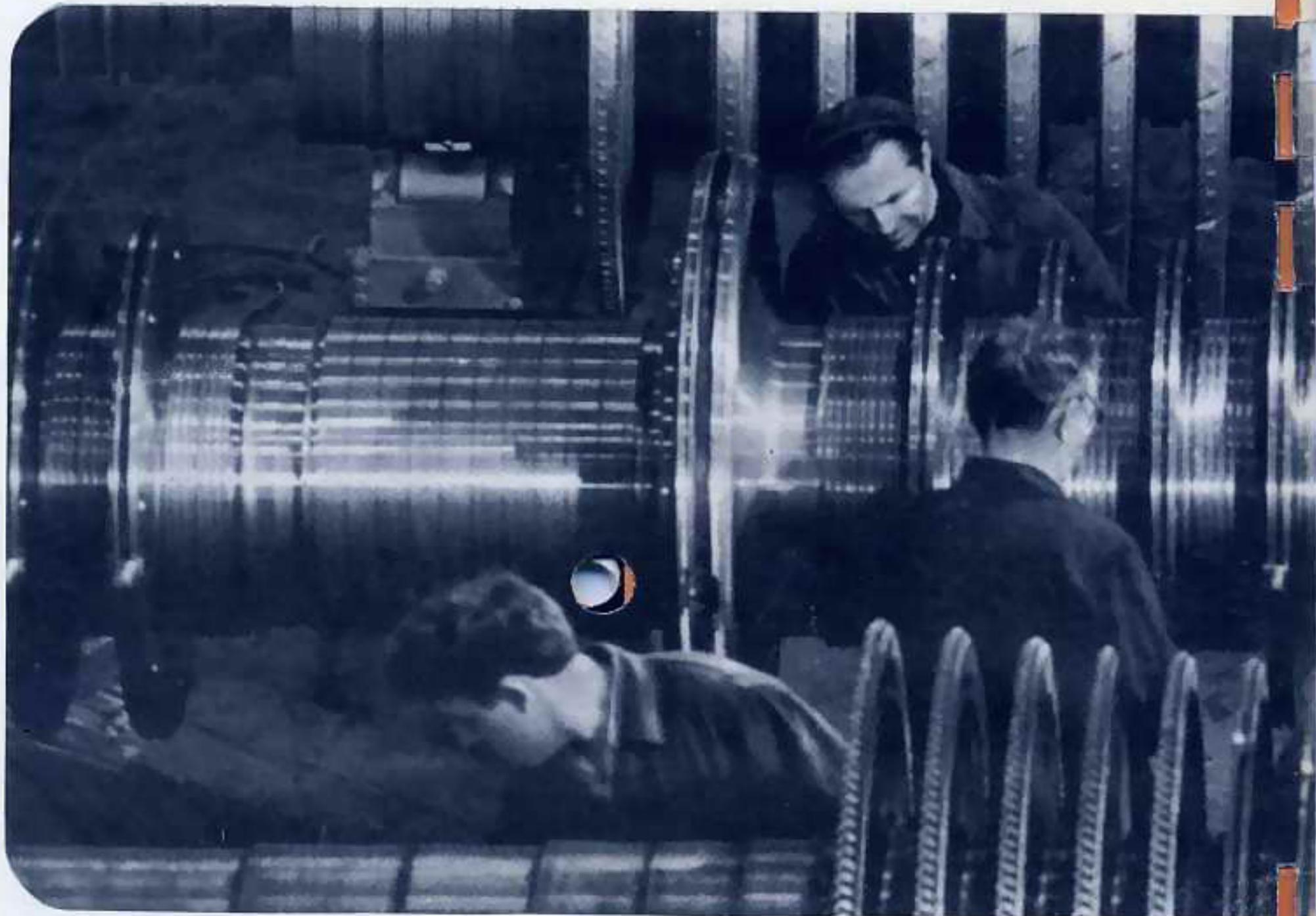

«Что же отличает их?..» — думает Павел Петрович Семячкин.

Диск ротора — деталь детали. Масштаб завода ощущается по «сметочкам».

Фото Л. Лазарева

уверенной и полной стуча в виски больного и в бесстрастные экраны осциллографов.

1000—1200—1500 оборотов! Пошла, пошла!

И тогда кто-то шепчет: «Пятак ставь на ребро! Если не завалится, с вибрацией — порядок!»

В и л ю ч е н и е м — эпизод из «Встречного». Старый мастер Бабченко ставит пятак на корпус турбины. Замерли люди. Крупно — пятак вздрогнул и замер на ребре. И Бабченко осатанело кричит: «Стоит! Стоит, сукин сын!»

Снова — уже не среди антеров, а там, в кучке своих, Семячкин бьет по плечу представителя фир-

мы Викнерс: «Ну, чья взяла? Рад, что не бился об заклад?» И своим: «Говорил загранспец: «Не соберете за шесть месяцев».

Резкая, подчеркнутая графически смена кадра... На набережной Невы стоит постаревший и притихший Семячкин, всматривается в лица спящих мимо людей. Они чем-то похожи на тех его ребят и в чем-то почти непостижимы.

...Шныряя в толпе, возникла песенка — один голос подбросил ее в воздух, другой. Она возникла пока еще не в изображении, а только в фонограмме. И вдруг невесть

откуда, может, из тех же воспоминаний, плоть которых бывает ощутимей стоящего рядом, в ляжке самодеятельного неумелого оркестра обрушивается на Семячкина старый куплет «Встречного».

И с ней до победного края
Ты, молодость наша, пройдешь,
Покуда не выйдет вторая
Навстречу тебе молодежь...

Тогда, тридцать лет назад, казалось песенной невероятностью, что может быть другая молодежь, кроме них. А вышла, Навстречу. И встретились...
Тот же — встречный. Встречный поток истории.

*В роторах
завтра возникнет
сердцебиение
турбины.*

*Н. Ляличев:
«У нас
все
учатся...»*

*Заместитель
начальника цеха
В. Приходько:
«Штурмовщина —
понятие
относительное...»*

*Когда
раскраивается
металл...*

Из новых переводов

Саломея НЕРИС

У родника

Здесь тюльпаны растут
и крапива —
Запретишь? Запретишь?..
Меж березок печалится ива.
Родниковая тишь.

Вечер. Яблони чуткие дремлют —
Не шепчи, не шепчи!
Ветер смолкнул. И звезды
на землю

Уронили лучи.

Так меня утешала сестрица.
Помню я, помню я!..
Может, ты не соловушка-птица,
А сестрица моя?

Может, с родины ты... Как
ты пела —

Повтори, повтори!
Все мне видится яблонька в белом
Той весенней зари...

1943 г.

Ты проснешься

Ты проснешься вдруг порой
ночной.
Зашумят березы под луной,
Вскинут руки в радости земной
К журавлям, летящим в край
родной.

А весна над стороной лесной
Будет сыпать звезды все щедрей.
И под снежной рваной пеленой
Оживет, взъерошится пырей.

Где ж зима? Разгромлена
весной.

И ручьи заполонят поля...
Ты проснешься вдруг порой
ночной —

Это позовет тебя земля.

1938 г.

Перевод с литовского
Н. Старшинова.

ЛИЧНО ОБЕЗ- ВРЕ- ДИЛ

Фото
А. Лидова

*Под этим домом двадцать
два года пролежала
бомба, готовая взорваться.*

*Завтра сюда
придут строители.*

Смерть изготовили в городе Дюссельдорфе в 1942 году. С большими предосторожностями ее перевозили на зеленых грузовиках и в товарных вагонах со склада на склад. Хоронясь от советских штурмовиков, смерть пробиралась на восток. Наконец, ее погрузили в «юнкерс», и он понес ее в большой русской реке. В реку впадала маленькая — Пионерская. В глубоком и крутом овраге, прорубленном этой речкой, окопались защитники Сталинграда. С устрашающим свистом смерть ринулась на их головы. Она шлепнулась о сырой склон оврага и зарылась в землю. Бойцы пригнулись. Взрыва не было.

Потом сдался Паулюс. Потом сдалась Германия. Потом на пепелище построили город. Построили дом и на том месте, где оборонялись бойцы. А смерть все ждала своего часа. Двадцать три года ждала.

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся... составили настоящий акт в том, что при расчистке территории... числа... года... от взрывоопасных предметов уничтожено: авиабомб... противопехотных мин... снарядов... гранат... противотанковых мин... патронов... штук.

При подрыве были соблюдены меры безопасности. Никакого ущерба народному хозяйству не причинено. Подписи.

...В саперной части стоит шкаф. В шкафу — книги. Каждая книга вот из таких актов. Перелистываем страницы. Перелистываем взрывы. Перелистываем спасенные жизни.

Бабушка захотела иметь свой огород. Но вот беда: земля плохая. Привезли на самосвале хо-

— Немедленно оцепить район взрыва! — командует старший лейтенант Анатолий Петренко.

рошую землю. Начали сыпать, а в земле — шестнадцать мин. Вызвали саперов...

Как-то весной поплыли оползни по оврагам. Ахнули люди: бомба обнаружилась. Стоит, носом в небо целится. Долго потом смеялись саперы: в бомбе дверка была, куда дрова заталкивали. А дым через отгнивший взрыватель шел. Очень хорошая, видно, была из этой бомбы «буржуйка».

Сейчас у саперов не сезон. Летом — другое дело: шесть — восемь заявок в день. Бывают дни — до девятнадцати доходит.

Вот объекты, разминированные в Волгограде за один месяц: детсад № 41, свиноводхоз, станция «Водник», кирпичный завод № 12, городской пляж, пионерский лагерь имени Саша Чекалина, Дом техники, Институт физкультуры, дачи за алюминиевым заводом, теплично-парниковое хозяйство, завод «Баррикады», лесобазы.

Город Волгоград — железная земля. Река Волга — железное дно. И в городе наряду со всеми известными службами безопасности работает и вызывается по телефону единственная в мире служба — спасения земли.

О трех героических минутах в жизни одного из офицеров этой службы — звуковая страница.

Ю. ВИЗБОР,
корреспондент «Кругозора»,
Е. ЧИСТЯКОВ,
собственный корреспондент
Всесоюзного радио.

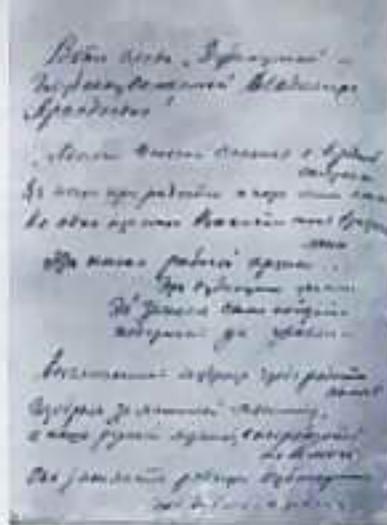
Волгоград.

Операция?.. И через двадцать лет из тела земли вытаскивают осколки.

ГИМНОМ РАДОСТНЫМ ПОЙ

БИОГРАФИЯ ПЕСНИ

Бурлацкие припевки над Волгой... Самые знаменитые из них — «Эй, ухнем!» и «Дубинушка». В них и усталость, и сила, и удаля, и бунтарская лихость. Песни эти были любимы студенчеством, русской революционной интеллигенцией. Композиторы Балакирев, Римский-Корсаков, Глазунов делали их оркестровые обработки. А в 1905 году бурлацкие песни запели на рабочих окраинах, в крестьянских избах, в солдатских казармах.

В театральном музее имени А. А. Бахрушина хранится написанный размашистым шаляпинским почерком текст «Дубинушки». История его

такова. 26 ноября 1905 года в Большом театре шел концерт. В конце второго отделения выступил Федор Иванович Шаляпин. Он спел свой номер. Со всех сторон раздалось: «Бис!..» С галерки требовали: «Дубинушку!» Шаляпин подошел к рампе, поднял руку, сказал: «Дубинушку» надо петь с хором». — «Мы подпоем!»

Зал подхватил припев, Федор Иванович спел два куплета, и зал затих. Все ждали: споет или не споет артист следующий куплет, «запрещенный»? Шаляпин продолжал:

Но настала пора, и поднялся народ,
Разогнул он согбенную спину...

Громовым своим голосом, ликующе он призывал:
Так иди же вперед, мой великий народ!

Позабудь свое горе-кручину
И свободы святой гимном радостным пой
Дорогую, родную «Дубину»...

На другой день газеты предсказывали, что артисту это с рук не сойдет, его непременно уволят. Дирекция императорских театров потребовала от Шаляпина прислать текст песни, которую он исполнял на концерте. Артист записал ее слова.

За несколько дней до вооруженного восстания в Москве Шаляпин пел «Дубинушку» в доме Николая Павловича Шмита, владельца мебельной фабрики, ставшего большевиком. Как рассказывает племянник Шмита Е. Н. Андриканис, Федор Иванович пришел в тот вечер вместе с А. М. Горьким и М. Ф. Андреевой. За рояль села хозяйка дома, Шаляпин был в ударе. Он пел русские народные песни, старинные романсы и, наконец, «Дубинушку». Николай Павлович пожалел, что такой замечательный концерт состоялся у него в доме, а не на фабрике, где артиста могли бы послушать рабочие. «Это поправимо, — ответил Шаляпин. — Можно повторить концерт и на фабрике».

Однако выполнить свое обещание артист не смог. Грянуло московское вооруженное восстание. Шмит сражался на баррикадах бок о бок с рабочими фабрики. Царская полиция артиллерийскими залпами уничтожила мебельную фабрику. Ее хозяина арестовали и зверски убили в тюрьме.

Л. КАФАНОВА

На снимках:

Автограф Ф. И. Шаляпина,
Баррикады на Пресне, 1905 год,
Н. П. Шмит в тюрьме,

МЕЛОДИИ ЯПОНИИ

日本のメロディー！

Неустанное пение кото вызывает в памяти одну из гравюр Хиросиге: узкий мост через реку, косая челка дождя, пешеход под надувшимся зонтиком...

Луна летит меж туч,
Кругом деревьев ветви
Еще роняют дождь.

И песчаные дюны, и черная ледяная вода рисовых полей, и долгие вечера в ожидании восхода луны — все это уместается в семнадцати струнах простенького, похожего на обрубок дерева кото. Этот инструмент много веков почитался в каждом японском доме. Матери учили девочек надевать на пальцы «коготки» и трогать струны, вызывая высокие дрожащие звуки.

Кото постепенно забывают в Японии. Он непривычен в век транзисторов и джаза. И все-таки кото — голос Японии. Такой же, как сентиментальные старые песни, к которым в последние годы начали возвращаться композиторы. По словам прессы, наступил настоящий бум песенок в народном стиле.

Мода на них пройдет, она неизбежно проходит, а национальная музыка будет возвращаться и возвращаться. Есть какие-то вечные величьи: трехстишия Танубоку, гравюры горы Фудзи, народные песни. И еще одно есть нестареющее — классическая музыка. Ее играют в Японии, играют и в Бомбее и в Лондоне. Везде по-разному. В Японии прославился струнный ансамбль «Токио солистен». В его репертуаре Вах и Моцарт, Бриттен и Вивальди.

Как играют «токийские солисты»? Можно сказать: превосходно, тонко, виртуозно...

Мы скажем так: по-своему.

ВОЛЖАНКИ

Фоторепортаж
А. Лидова

Эти девочки — ровесницы своего города. Они родились вместе с первыми этажами Волжского.

Играли в песочек на дне будущего моря; как мальчишки, влезали на деревья, чтобы посмотреть, какое оно большое.

А когда пустили первый трамвай и на углу стали продавать пирожки с картошкой, девчонки уже считали себя взрослыми.

Первый кинотеатр в городе, первый бетон в здании ГЭС, первый роддом, первая школа — ка-

чало истории Волжского. А ее продолжение — первый ток ГЭС, корпуса новых заводов, гудки грузовых пароходов и барж, груженных продукцией Волжского, и, конечно, девчонки-волжанки, которые растут вместе с городом.

На снимках:

Вера Нищук, десятиклассница. Волжанка из Прибалтики Зоя Лемке.

Самые маленькие горожанки. Тая Росочко: «Днем — на стройке, вечерами — в изостудии».

ОТКРОВЕНИЕ

Моя первая встреча с певицей произошла несколько месяцев назад. Тогда я еще ничего не знала о ней. Я шла слушать оперу Пуленка, а услышала Человеческий голос Надежды Юреновой. В тот вечер произошло редкое и потому необычайное: беззащитная искренность, жившая в пении, смела все, что обычно отделяет слушателя от исполнителя. «Человеческий голос» Пуленка, голос безнадежной боли, прорвавшись сквозь условности, повел за собой по лабиринту любви и страданий каждого, всех...

Тогда уже я поняла, что слушать Юренову раз от раза — все интереснее и интереснее, потому что заранее знаешь: повторение всегда будет обновленным...

Пришло время второй встречи с певицей, и я еще раз пережила это не покидающее меня ощущение. Она стояла на сцене, и все в ней было певуче — и голос, и осанка, и даже само имя — Надежда. Русская женщина пела свои родные песни. И если бы не знать, что написаны они с год назад двадцатилетним Валерием Гаврилиным и собраны им в «Русскую тетрадь», — легко было бы поверить в то, что мелодии рождаются здесь, сейчас.

И вот встретились. Я слушаю, как она вполголоса рассказывает о себе... «С детства занималась музыкой. Немножко играла на скрипке, немножко — на рояле. Слушала пение матери. Ну, а потом и сама стала петь...» В общем, никаких событий, вдруг изменивших судьбу. Никаких происшествий, внезапно подсказавших именно этот путь в искусстве. Но событием стало само ее пение...

Она рассказывала о себе, а я невольно вслушивалась в мелодию речи, в интонацию, с которой слова произносились: мягкая, непринужденная речь притягивала глубиной подтекста. Этим подтекстом была душевная щедрость. Она говорила о своих учениках в Ленинградской консерватории, о новой музыке своих друзей — ленинградских композиторов.

Еще тогда, услышав Юренову в первый раз, я знала, что она из Ленинграда. Но что-то во мне не соглашалось с этим. Ее пение не напоминало о туманах над Невой, о белых ночах, о геометричности очертаний северного города. Нет, голос звал куда-то в среднерусскую полосу, на ржаные поля, на расцвеченные цветами луга. И я спросила: «Вы родились в Ленинграде?» «Нет, я из Усмани. Это недалеко от Воронежа».

СИБИРСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

Василий ПУХНАЧЕВ

по кругу

На озере Тихомирово, что в ста километрах от Новосибирска, в тальниках стояла избушка колхозного рыбака Захара Ильича. Хозяин, человек радушный, много повидал на своем веку. Досталась на его долю солдатская служба и в русско-японской и в первой мировой войнах, а в гражданскую партизанил старик против Колчака. Сидим, бывало, после вечерней охотничьей зари у костерка, Захар Ильич подаешивает на козелке чайник, несет на заварку только что сорванный смородиновый лист и начинает рассказывать очередную бывальщину.

— Раньше, Михайлович, на деревенских молоканках масло-то сбивали на конном приводе. Два дышла, два коня. Ходят они по кругу, сердечные, неделями. От дышла не отвяжешься, все вокруг да вокруг. А в воскресенье молоко бабы не сдавали. Ну, коней-то водили на свежую траву. В Сибири-

то знаешь, како раздолье — конца краю нет. Травы — в пояс.

А они, кони-то молоканские, и в поле все по кругу да по кругу норовят! Чудно смотреть, бывало...

Ну, то кони... А ведь у нас и люди, работнички есть такие. Ему простор дают — развернись, разбегись! В долину дорогу протори! А он, как та молоканская лошадь, все по кругу да по кругу норовит! Далеко ли так уйдешь?

сила слова

В тридцатые годы довелось мне быть уполномоченным по коллективизации в большом сибирском селе. Неподалеку находился поселок в сорок дворов. Здесь в колхоз вступили тридцать девять единоличников, а сороковой, Степан Митрич Шушарин, «писаться» не хотел. «Баба не велела!» — отвечал он агитаторам. Хозяйство у Степана маломощное — лошадь и корова. Одет мужик в латаный полу-

шубчишко, обут в подшитые валенки, шапчонка, сбитая набок, служила бессрочную.

На одном из сходов к столу президиума протиснулась солдатка Аграфена.

— Степан Митрич! Ну, чего тебе не писаться в колхоз? Да взглянь ты на себя!.. Ведь ты-то тощей: в рот посмотришь — сзади светится! Ну, пишись за ради Христа!

Опешивший Степан Митрич с минуты сидел, уставясь глазами в Аграфену, а потом вскочил, швырнул в угол самокрутку, ударил шапкой об пол и крикнул:

— Пиши!

высшее начало

Неделю записывал хантыйские сказки. Рассказывал их мне Тимофей Качин, охотник и рыбак, на берегу коричневого Тыма. Была первая половина августа, пора белых ночей и дней. За двумя единственными домишками тайга. Ближайший населенный пункт в ста пятидесяти километрах. Там тоже два дома и также жили охотники, рыбаки и сказочники. Мы приехали сюда с председателем райисполкома Федором Лендогиным, знатоком фольклора и чудесным следопытом. В конце недели исчез мой сказочник, не сказав ни слова. Вместе с ним исчезла и его супруга. Мы с Лендогиным, оставшись одни в доме, готовили пищу, варили густой кирпичный чай.

— Не иначе, к другу уехал Тимофей, чаю попить, поговорить, — предполагал Лендогин.

А на третий день за далекой песчаной косой на речке показался обласок.

— Едут, — сказал Лендогин.

Гребла жена Тимофея. Она привычно и сильно двигала лодку против течения. Тимофей сидел на корме, небрежно придерживая легкое кормовое весло. Обласок пристал к берегу. Жена Тимофея, покрасневшая от работы, высночила из лодки, рывком вытянула ее на песок. Степено поднялся и Тимофей и, играя веслом, попыкая трубой, сошел на берег. Поздоровавшись, я спросил:

— Что ж это ты сидишь, понуришься, а жена гребет?..

Тимофей с сожалением, если не с презрением, посмотрел на меня и произнес с достоинством:

— Мне думать надо!

Новосибирск.

Это ведь уже известно, что Прага расположена на холмах, как и наш Киев, и что она украшена великолепной Влтавой.

Над Влтавой множество мостов, из которых наиболее знаменит Карлов. Он идет не по прямой, а зигзагом. В наш век почему-то очень приятно ездить по такому мосту. Мосты, конечно, низкие; в интересах судоходства их следовало бы заменить новыми, но чехи придумали лучше — трубы у пароходов откидываются.

С Карлова моста видны искусственные перекиды — они поддерживают нужный уровень в засушливые годы, а кроме того, над перекатами бурлят водовороты, и мне не верится, что пражане не подумали и об этом. И, наконец, над Влтавой летают не только чайки, но и дикие утки, вообще-то, усвоившие, что от людей надо держаться подальше. И, видно, неспроста они делают исключение для Праги.

При всем при том Прага — город промышленный, шумный и явно перегруженный уличным движением: в самом центре города грохочет старомодный трамвай, загромаждающий и без того неширокую проезжую часть. Но есть забравшийся на косогоры район Стрешовице, где в садах стоят двухэтажные домики и улицы обсажены краснолистым, похожим на брюссельскую капусту кленом.

Когда-то я перевел у Незвала: «Мы на Златой улочке сидели в домике у друга моего». Злата улочка оказалась и впрямь улочкой, а каждый домик — не выше человеческого роста. Но как эти домики раскрашены! Не выкрашены, а именно раскрашены: краска положена неравномерно — где гуще, а где жиже. Кажется, что эту детскую улицу раскрашивали дети.

Леон ТОММ

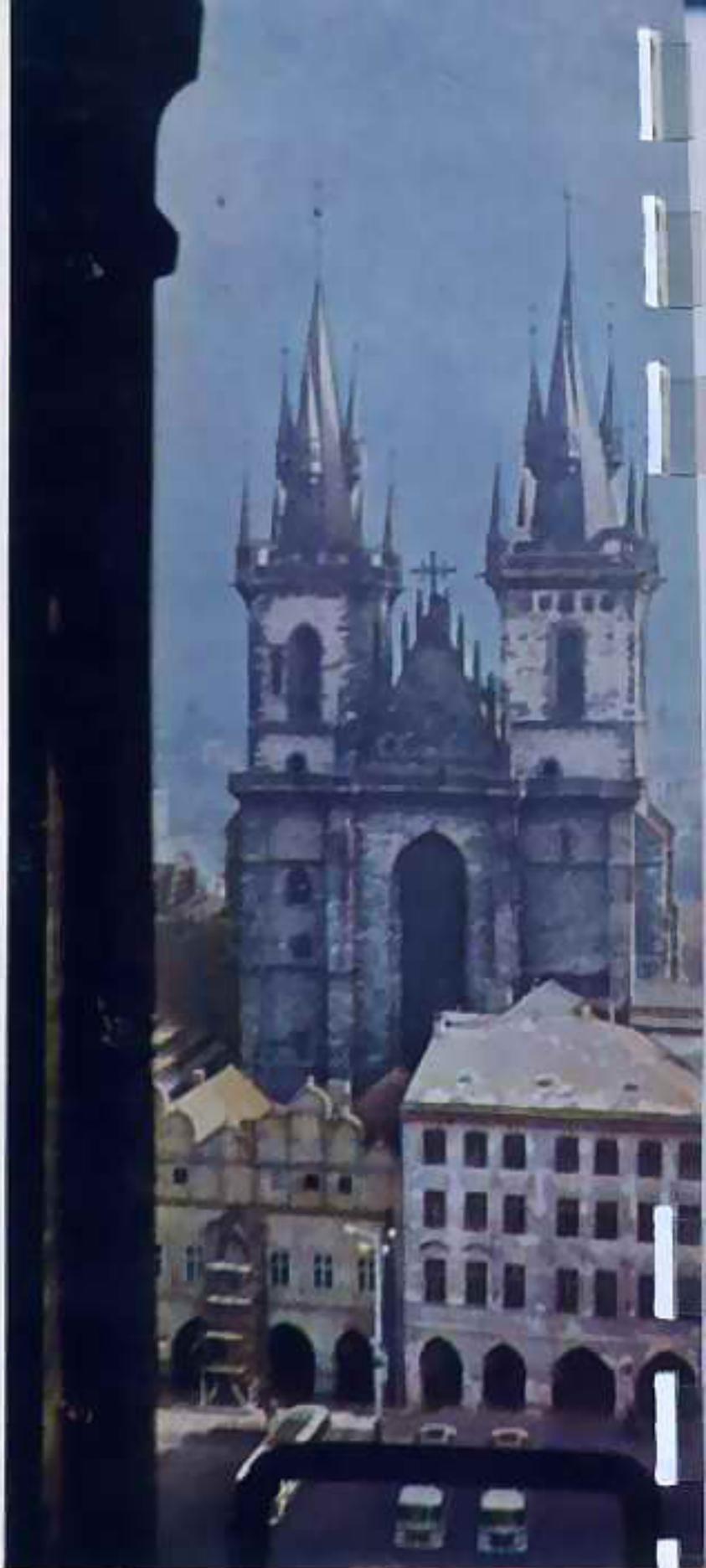
Дыхание Праги

Фото В. Резникова

Понятно, что именно в городе с подобной улочкой и должен жить такой художник, как Трнка. Нам показывали его дом на Малостранской, под Карловым мостом. Мы увидели узкий рукав Влтавы, куда выходят почему-то парадные двери некоторых домов. Это удобно для мальчишек, которые катаются на байдарках. Было тут, конечно, и большое мельничное колесо никому уже не нужное, но ведь больше не нужны на домах и изображения кошек, собак или птиц, заменявшие в средние века номера домов.

Неподалеку от городка Домажлице есть ходский музей. О ходох, или псоглавцах, стерегших в старину границу Чехии, об их восстании я рассказывать не буду — у Алоиза Ирасека об этом целый роман. Музей этот замечателен своим сельским простодушием. По музею вас водит старушка в старинном ходском наряде. Если вы ей понравитесь, она споет вам забытую песню и заведет часы с органчиком. Часы эти стоят в комнате с выскобленным добела дощатым полом и с печью из цветастых изразцов. Все в этой комнате: и деревянная кровать, и стол, и тарелки на стенах, и маленькие окна — такое же, каким было столетия назад. И старушка, несмотря на свои очки, начитанность и учительский диплом, тоже почти такая же: видно, что и монотонное пение и платье это для нее совсем не театр.

Путеводитель может более или менее точно предсказать, что тебя впечатлит, но из него не вычитаешь, что тебя может тронуть, а ведь это, пожалуй, важнее.

Полвека и четыре дня

Полвека — это возраст джаза. Однако недавно историю этого бурно развивающегося вида музыкального искусства можно было проследить в течение четырех дней... На сцене пражского зала «Люцерна», расположенного довольно необычно — под землей, под большим пражским универмагом, двадцать пять ансамблей продемонстрировали различные направления: от «традиционного», воссоздающего раннюю негритянскую музыку, до так называемого «авангарда». Был вечер симфонической музыки, вдохновленной джазом, был концерт балетных миниатюр, поставленных по мотивам джазовых пьес...

Интересно показали себя чехословацкие оркестры — коллективы, возглавляемые Густавом Бромом, Яном Хаммером, Карелом Велебным.

Четырнадцать лет существует негритянский «Модерн джаз квартет» Джона Льюиса. В Праге этот ансамбль — тонкий, мягкий по краскам — поразил слушателей прежде всего простотой исполнения (разумеется, кажущейся).

Любопытен опыт введения в джаз классической музыки у французского вокального октета «Ле Свингл Сингерз». Октет исполняет пьесы Баха и его сыновей, Моцарта, Вивальди, Генделя, Гайдна. Музыканты добавили к «первоисточникам» только ритмическую пульсацию ударных и контрабаса. Сделано это с большим тактом, вкусом и чувством меры.

Наши музыканты были представлены: квартетом в составе Георгия Гараяна (альт-саксофон), Николая Громина (гитара), Андрея Егорова (контрабас) и Валерия Буланова (ударные). Насколько горячо реагировала аудитория на их исполнение, вы поймете, прослушав звуковую страницу журнала.

Аркадий ПЕТРОВ

Прага.

*Квартет
Георгия
Гараяна
(СССР).*

*Ансамбль
«Ле Свингл
Сингерз»
(Франция).*

*Пианист
Ян Хаммер
(Чехословакия).*

*Перси Хит,
американский
контрабасист.*

САМОЛЕТ СЕНТ- ЭКЗЮПЕРИ

Марсель МИЖО

В своей книге «Земля людей» Сент-Экзюпери пишет: «Самолет — не цель, он всего лишь орудие. Такое же орудие, как и плуг». В этой книге, в других, в письмах к матери и друзьям Сент-Экзюпери сравнивает свой труд с трудом пахаря. Во время войны, незадолго до своего трагического исчезновения, ежедневно подвергая свою жизнь опасности, он напишет: «Я чувствую себя здоровым плотником». В минуты горестного раздумья он еще скажет: «Я был рожден, чтобы быть садовником».

Самолет был для Сент-Экзюпери орудием поэта, писателя, гуманиста, орудием, не только помогающим человеку в работе, но и позволяющим ему совершать открытия. Лемех плуга может в один прекрасный день извлечь из-под земли скрытые в ней богатства. Самолет открывает поэту новый, неведомый доселе мир.

Вот Сент-Экзюпери в кабине самолета. Только что он покинул людей, а теперь с высоты небес мысленно спускается к ним. И пробует представить себе их избавленными, как и он сам, от мелочей жизни, освободившимися от всего, что прижимает их к земле, как бесполезный груз, и мешает движению вперед. При этом в первую очередь он думает о товарищах, с которыми связан своей работой летчика: «Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего в том, что оно объединяет людей». Сент-Экзюпери придется встречаться со своими товарищами в воздухе, на промежуточных посадках он будет обмениваться с ними почтовыми сумками, при

встречах в каких-нибудь отдаленных уголках будет делить с ними ту же трапезу, спать в тех же бараках. Он полетит спасать их, когда с ними случится авария.

Этот мальчик, которого в детстве и юности баловали, который посещал только редких друзей своего круга, примкнет к тем, кого труд, объединив одним идеалом, заставляет двигаться плечом к плечу навстречу цели. Он станет другом сына бедного крестьянина Гийоме. И напишет: «Я плоть от плоти Гийоме», как скажет позже: «Я плоть от плоти Франции». И еще он напишет: «Я сблизился не только с товарищами, через них я сблизился с людьми. Стоит любви пустить корни, и они непрестанно разрастаются».

Самолет позволит Сент-Экзюпери создать неразрывные узы с людьми, проторить новые пути, и

Да здравствует маленький принц!

Каждый взрослый когда-нибудь да встречается со своим детством.

С Сент-Экзюпери это произошло в Ливийской пустыне, когда после аварии самолета он оказался один среди песков. Вот тогда-то и возник перед ним впервые Маленький принц... Он помог ему отыскать в пустыне колодцы, вселил надежду на возвращение.

Но сказка о Маленьком принце появилась значительно позже.

Шла война. Писателю оставался всего год жизни. Он страдал от того, что гибнут его друзья, что приходит тот день, когда уже некому будет сказать: «А помнишь?» И сказка получилась грустная. Она и не могла быть веселой. Ведь она написана в 1943 году вдали от захваченной фашистами Франции.

Как пересказать «Маленького принца»? Поэзию не пересказывают... Надо уметь прочесть в сказке слова настоящей боли. «Маленький принц» — и о любви. Она удивительно чиста, эта сказка...

Маленький принц жил на астероиде В-612. Там оставалась прекрасная роза, которую он любил.

по ним впоследствии пойдут люди, но в первую очередь доставят почту. Он не будет делать различий между деловыми и любовными письмами, лежащими в той же сумке, поскольку они являются в одинаковой мере «узами связи».

Началась война, и почтовый самолет Сент-Экзюпери становится военным. Писатель будет драться, потому что свобода человечества в опасности. Потом пойдет освобождать заложников. В «Военном летчике» он объяснит, почему шел сражаться даже тогда, когда был уверен в том, что Франция терпит поражение. Позднее Сент-Экзюпери снова вступит в строй уже в патриархальном для летчика возрасте. И погибнет в небе, скрепив свое послание людям печатью верности долгу.

Реймс.

Надо было поливать ее ключевой водой и накрывать стелюшным колпаком от ветра. Там — два вулкана. Их нужно прочищать, чтобы они горели ровно, без извержений. Там восходит и сразу заходит солнце, и поэтому можно любоваться зарей сколько захочешь...

Попытайтесь найти на небе планету Маленького принца. Если вы не увидите ее нигде — посмотрите на звезды. Они напомнят вам о друзьях, которых вы любите.

Ада ПЕТРОВА

слушайте

В
номере:

1. Голоса нашей биографии: М. И. Ульянова, Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, П. Н. Ангелина, П. Д. Осипенко, В. С. Гризодубова, Л. М. Павличенко. Ведет страницу Галина Смирнова, первокурсница исторического факультета МГУ.
2. «Встречный» — наш телефильм. Авторы Г. Шергова и Л. Поляков.
3. Три минуты рядом со смертью. Репортаж.
4. «Нам о времени думать пора». Читает поэт Александр Межиров.
5. Биография песни. «Эй, ухнем!» и «Дубинушка». Исполняет Ф. Шалапин, хор и оркестр.
6. Певица Надежда Юренева. «Ой, девчонки мои» В. Гаврилина. Финальная сцена из оперы Пуленка «Человеческий голос».
7. Сент-Экзюпери. «Маленький принц». В ролях — М. Бабанова и А. Консовский.
8. Звуковой сувенир для женщин. Стихи А. С. Пушкина и романсы на его слова.
- 9—10. Песенные премьеры. В. Купревич и Н. Турлай — «Антенны». А. Колкер и Л. Кукин — «Если б не было в мире влюбленных». Я. Френкель и М. Танич — «Почта голубиная». Таджикская народная песня «Милая». Исполняют В. Лышковский, М. Пахоменко, И. Кобзон и квартет «Аккорд».
11. Музыкальная Япония: народный инструмент кото, певец Френк Нагаи, оркестр «Токио солистен».
12. Пражский джазовый фестиваль. М. Ржежабек. «Композиция». Исполняет оркестр Брома (ЧССР). Г. Гаранян. «Баллада». Исп. инструментальный квинтет (СССР). И.-С. Бах. «Шутка» из сюиты си-минор. Исп. ансамбль «Ле Свингл Сингерз» (Франция).

Когда мне трудно, я вспоминаю себя маленького. И мне грустно, что детское, ясное стало дальним. Где-то за тридевять земель еще живу я, шестилетний, и еще жива бабушка и мои братья — Миша, Сережа, Коля. Там, в памяти о детстве, все живо и празднично. Я возвращаюсь туда сейчас, чтобы ощутить в себе ту ясность и доверчивость, когда все на земле легко объяснимо. Может быть, жить — помнить в себе все летнее, легкое. А может, возвращаться, подобно отлетным гусям, к той земле, где тебе было шесть лет и все казалось огромным и непривычным. «Тага-тега!» — зову я, как тех гусей, воспоминания не для того, чтобы успокоиться, а просто потому, что кому-то и сейчас еще шесть лет.

Сны у бабушки, как сказки, длинные. И мне кажется, что она нарочно их выдумывает. Я очень ей завидую. И все придумываю себе сон такой, чтобы она ахнула и не могла отгадать. Наконец, я

И стал придумывать другой, чтобы успокоить ее. Но сны выходили бездарные: то про то, как я ем оладьи во сне, то про то, как я гнался за гусем.

— Оладь — это орать, — говорила бабушка бесстрастно, — гусь — грусть.

Меня взяло отчаяние. И я перестал рассказывать сны. И меня стали снова пускать на улицу...

А у бабки сны действительно чудные были. Хотя бы вот такой сон.

— Сижу я, значит, у станции, — рассказывала бабушка, — а рельс железных, дорожных навалено уйма. А я беру бритвочку. И как соломинки режу их пополам. Изрезала все... К чему — сон бестолковый... Гора — к горю. Печь — к печали. Хлев — к хлебу. А это? Рельсы — к чему? К войне, что ли...

— Сны у тебя металлургические, — говорит отец, а сам смеется и мне подмигивает. И мне весело тоже, потому что это слово пугает бабушку, и она уходит в боковушку, где долго с кем-то истово беседует...

Над нашею избою радуга перевесилась большая, как рыба. Я ее вижу с луговины и бегу, бегу, чтобы поймать радугу. А когда прибежал — пусто.

— А где радуга? — спрашиваю я у бабушки.

— Это я ее дымом прогнала. Затопила печь — дым и унес ее к другим избам. Ишь радость какая — болзно для одних себя оставлять. Пусть и другие порадуются.

Дождик прошел сыпкий, скорый и ушел в лес.

— Куда девался дождик? — спросил я.

— Хороший дождик грибы поит, — сказала Пелагея Петровна, — и хлеб тоже, и реки. И живет он в облаке, чтобы люди видели его и ждали.

И это было очень хорошо, что дождик такой умный и добрый.

Была у бабушки фотография, где в ногах у взрослых сидит маленькая девочка.

— Это я, — говорит бабушка, — еще моложе, чем ты есть.

— А зачем ты стала старой? — говорю я ей.

— Я все торопилась стать большой... А ты не торопись — расти! Успеется.

— Я не хочу теперь расти, а хочу быть всегда таким, чтобы не сделаться старым, — пообещал я.

Тогда бабушка стала плакать в своей боковушке, и мне ее стало жалко.

И я ее слушался целых три дня, чтобы понравиться ей опять.

ДАВНЫМ-ДАВНО

Владимир
ЦЫБИН

Главы из маленькой автобиографической повести.

придумал. Как-то утром я ей сказал:

— У меня был сон, будто я сделался желудем и меня кто-то съел. Вот.

— Ох! — испугалась бабушка. — Это к простуде. — И три дня не пускала на улицу.

Я очень огорчился, что бабушка для меня так плохо отгадала сон.

Сколько тебе лет? — спрашиваю я у бабушки.

— Годочки, как листочки, — говорит бабушка, — только листочки упадут — другие вырастут. А года выпадут, и нет их. Это у меня. А у тебя — колокольчики, чем больше их станет, тем звонче звенеть будут.

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

На первой странице обложки: Людмила Бобкова, студентка музыкального училища. (Смотрите фото-репортаж А. Лидова «Волжанки».) На второй и третьей страницах обложки: рисунки А. Тертыша.

Художник А. Луцкий.
Техн. редактор Л. Петрова.
Режиссер Н. Субботин.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая ул., 25.
Телефоны редакции:
В 3-74-42; В 3-74-59.

В 05511. Подл. к печ. 17/1 1966 г.
Формат бум. 84×108¹/₁₆. Бум. л. 0,5.
Печ. л. 1. Тираж 250 000 экз.
Заказ 83. Цена 1 руб.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

Когда красавицу Ширази своим кумиром изберу,
За родинку ее отдам я и Самарканд и Бухару.

Счастье — это трава,
что растет, где ступает твоя нога.
И приходит ко мне одиночество
по дороге, которой уходишь ты.

В блиндажах подземных, а не в сказке
наши жены примеряли каски.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Тысячи поэтов создавали в мировой лирике памятник женщине. Мы взяли несколько строк, написанных Хафизом, Чжан Цзюлином, Шекспиром, Октавом Рифатом, Федерико Гарсиа Лоркой, Пьером Паоло Пазоллини, Я. Смеляковым.

Ночь медлит где-то в пути,
чтоб ты не могла прийти
и я не мог прийти.
Но я приду,
хотя бы солнце, как скорпион, сдавило мне лоб.
Но ты придешь, хотя бы язык твой сжег соляной дождь.

Мы кричим: «Любовь!»
Мы громко кричим: «Любовь!»
Пусть в горах зазвучит,
Пусть услышат в долинах,
Пусть дойдет до тебя: «Любовь!»

Почему не могу
дотянуться рукой до Луны?
Я в сорвал ее с неба,
Поднес бы любимой своей.

Цена 1 руб.

日本の
メロディー
MELODII JAPONII

Слушайте
одиннадцатую
звуковую
страницу

Материалы
предоставлены
Юдзи Такахаши
(Токио)

